

ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ (УГРОЗА НОРМАЛИЗАЦИИ ПРАВОЭКСТРЕМИСТСКОГО КОНТЕНТА)

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

THE VERBAL PRACTICES OF RIGHT-WING POPULISTS (THE THREAT OF NORMALIZATION OF RIGHT-WING EXTREMIST CONTENT)

A. V. Glukhova

Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена исследованию вербальных практик современных политиков правопопулистского толка и той угрозе, которую представляет нормализация правоэкстремистского контента в общественно-политическом дискурсе либеральных демократий. Автор отмечает значение вербальных приемов в деятельности политиков как способа формирования альтернативной картины социальной реальности и технологии мобилизации сторонников с целью ее изменения. Однако правый популизм разрушает моральные ограничения в дискурсе, бросая вызов не только институциональной структуре либеральной демократии, но и ее моральным основам.

Ключевые слова: вербальные практики, правый популизм, правый экстремизм, нормализация правоэкстремистского контента, медиатизация дискурсов, политическая поляризация.

Abstract: this article examines the verbal practices of contemporary right-wing populist politicians and the threat posed by the normalization of right-wing extremist content in the public and political discourse of liberal democracies. The author points out the significance of verbal techniques in the activities of politicians as a means of forming an alternative picture of social reality and as a technology for mobilizing supporters in order to change it. However, right-wing populism erodes the moral constraints within this discourse, challenging not only the institutional structure of liberal democracy but also its moral foundations.

Key words: verbal practices, right-wing populism, right-wing extremism, normalization of right-wing extremist content, mediatization of discourses, political polarization.

Относительно речевых практик дипломатов, искусственных в своем профессиональном ремесле, существует устойчивое мнение: язык дан им для того, чтобы искусно скрывать свои мысли. Однако это суждение наталкивается как минимум на два встречных возражения. Во-первых, оно касается не только дипломатов, но и глав государств, представителей международных организаций, лидеров широких общественных движений и других официальных и неофициальных лиц, по роду своей деятельности осуществляющих широкую коммуникацию со своими гражда-

нами, избирателями, сторонниками и т. д. В этой коммуникации риторические приемы и стилистические особенности речи играют чрезвычайно значимую роль, поскольку выполняют важную мобилизующую функцию формирования группы поддержки политика, его политического капитала. А, во-вторых, скрыть свои сокровенные мысли не всегда удается, поскольку именно язык в единстве его символических и синтаксических аспектов создает представление как о психологической структуре самой личности говорящего, так и о психологической направленности его речи. «Большинство из того, что происходит в социальной сфере ... опосредуется язы-

ком, ... побуждается и стимулируется языком, задается и программируется языком... Нужные слова, подходящие по времени фразы и более сложные формы речи – настоящий ритуальный вербализм – являются мощными факторами действенных перемен в социальных действиях и взаимодействиях...», – отмечает С. А. Ушакин¹.

Политика как особая сфера человеческой деятельности предъявляет особый спрос на качество словесной и вербальной деятельности в работе политика, воспринимающего ее как «призвание и профессию» (М. Вебер). Успех любого политика определяется тем, насколько ему удастся сформировать у определенного сообщества людей нужную ему систему мировосприятия и – как следствие – получить необходимую политическую поддержку. В силу этого используемые им вербальные категории являются своего рода «боевыми снарядами» в той импровизированной битве, каковой выступают предвыборные дебаты, партийные митинги, внутрипартийные праймериз и иные формы активной политической жизни.

Одним из теоретиков, наиболее глубоко проанализировавших специфику функционирования политической сферы (в его авторской терминологии – *политического поля*), был французский политический социолог П. Бурдьё. В своей книге «Социология политики» он трактует политическое поле как одновременно поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, определяющего структуру поля в каждый конкретный момент. «По причине неравного распределения средств производства того или иного в явном виде сформулированного представления о социальном мире, политическая жизнь может быть описана в логике спроса и предложения: политическое поле – это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения “потребителей” и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства»². Следовательно, политическая борьба предстает

как в символической, так и в практической форме, и направлена на возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира³. Тем самым, несмотря на разное восприятие действительности, политики всегда пользуются одним и тем же инструментом: они составляют в «изобретении» слов, отражающих эту действительность наиболее удобным для них образом. В результате создается «иной чувственный и концептуальный мир – гипотетический образ реальности», в которой изменение языка личности может повлиять и на изменение ее поведения, т. е. сознательной и бессознательной ориентации в окружающем мире⁴.

П. Бурдьё обращает внимание на то, что уже простейшие формы политической власти во многих архаических обществах заключались в магических ритуалах называть и вызывать к существованию при помощи *номинации* (т. е. названия, обозначения). Поначалу эту функцию могли выполнять военачальники и послы, особенно в опасные, кризисные для существования сообщества времена; затем профессиональные политики как производители объективированных представлений о социальном мире. «Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, т. е. официальным, то, что ... оставалось в состоянии индивидуального или серийного опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть – власть образовывать группы, формируя *здоровый смысл*, явно выраженный консенсус для любой группы», – пишет П. Бурдьё⁵. При этом работа по выработке категорий для номинации в политическом поле ведется беспрерывно, противопоставляя позиции агентов на основе их идентификации и в целях последующей мобилизации. Воздействие выдвигаемых политиком идей измеряется не их истинностью (это дело науки), но заключенной в них мобилизующей силой, т. е. силой группы, которую он может продемонстрировать, собирая ее в пространстве или предъявляя голоса своих последователей, полученные на выборах. Если удастся убедить максимально большое количество людей в том, что существующий порядок явля-

¹ См.: Ушакин С. А. Речь как политическое действие // ПОЛИС. Политические исследования. 1995. № 5. С. 142.

² Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. С. 182.

³ См.: Там же. С. 66.

⁴ См.: Ушакин С. А. Указ. соч. С. 143.

⁵ См.: Бурдьё П. Указ. соч. С. 67.

ется *проблематичным*, то происходит конвертация символического капитала в политический, т. е. в кредит доверия и поддержку гражданами своих представителей⁶.

Исследователи выделяют несколько подходов к типологии политической риторики, отражающей стилистические особенности вербальной деятельности политиков. Речь идет о риторике государственного деятеля, демагога или харизматического лидера⁷. Если первый в силу занимаемого высокого поста вынужден оперировать рациональными аргументами и избегать излишней эмоциональности, то два других типа риторики, напротив, отличаются использованием всех доступных средств, апеллирующих к эмоциям, чувствам и т. д. При этом риторика демагога⁸ отмечена своего рода «принципиальной «беспринципностью» в стремлении овладеть вниманием электората, тогда как вербальная деятельность харизматического лидера не сводится только к подъему эмоций, но возбуждает чувства огромной массы людей в целях их мобилизации вокруг больших, Великих идей (коммунизма В. И. Ленина, расового равноправия Мартина Лютера Кинга и др.). При этом состоявшийся политик крайне осторожен в выборе вербальных средств, стремясь к эвфемизации языка в целях чрезвычайной уязвимости политического капитала, которым он располагает. В критические периоды ремесло политического деятеля превращается в профессию с высокой степенью риска⁹.

Правый популизм и его политические успехи

Популизм как наиболее примечательный феномен политического пейзажа XXI в. продолжает озадачивать наблюдателей своими настоящими успехами и возможными благоприятными перспективами. При этом прогнозы исследователей порою полярно расходятся. С одной стороны, появляются оценки «заката популизма»,

⁶ См.: Глухова А. В. Политические конфликты : основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. С. 177.

⁷ См.: Ушакин С. А. Указ. соч. С. 145–146.

⁸ Достаточно сказать, что в античные времена слово «демагог» не имело отрицательной коннотации, но означало опытного и талантливого оратора, способного длительное время удерживать внимание публики. Выдающимся демагогом античности называли вождя афинской демократии Перикла.

⁹ См.: Бурдые П. Указ. соч. С. 227.

например в Италии, где популистские силы довольно долго господствуют на политической арене и уже сложили для себя весьма продолжительную политическую биографию (в особенности, если вести отсчет с 1990-х гг., от правительств С. Берлускони)¹⁰. С другой стороны, заявления об исчерпании «популистского поветрия» (каким оно выглядело поначалу), опровергаются очевидными успехами правопопулистских политических сил в ходе последних избирательных кампаний в ряде стран. Оппозиционные партии популистского политического спектра не только получают всё большую поддержку внутри и за пределами Европы, но и формируют правительства либо участвуют в деятельности правительств многих стран¹¹.

Однако считать безусловный успех популистских сил серьезным «политическим землетрясением» на европейской политической сцене вряд ли справедливо. В Европарламенте сохранили свое влияние традиционные партии политического истеблишмента (ХДС/ХСС, социал-демократы и «зеленые»), представители которых по-прежнему возглавляют ключевые институты власти Евросоюза. Земельные вы-

¹⁰ См.: Алексеев Е. С. Закат популизма? Кризис доверия и партии политической альтернативы в современной Италии // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 4. С. 132.

¹¹ Так было в течение нескольких избирательных периодов в Венгрии; в Италии две правые популистские партии («Лига Севера» и «Вперед, Италия») находятся в коалиции с партией Джорджи Мелони «Братья Италии», которую некоторые авторы считают профашистской. В Аргентине президентом недавно был избран правый популист Хавьер Милей, анонсировавший довольно оригинальные экономические реформы в логике ультралиберального популизма. В Нидерландах Герд Вилдерс выиграл парламентские выборы, а бывший президент США Д. Трамп одержал вторую сокрушительную победу на президентских выборах в ноябре 2025 г. Не исключено, что М. Ле Пен (Rassemblement National) имеет шанс победить на следующих президентских выборах во Франции. В Германии правопопулистская «Альтернатива для Германии» может рассчитывать на стабильный электорат, несмотря на конкуренцию со стороны новой левопопулистской партии – Альянса Сахры Вагенкнехт (BSW). Социологические институты «Альтернативы» прогнозировали хорошие результаты для этой партии на сентябрьских земельных выборах – 2024 в Бранденбурге, Саксонии и особенно Тюрингии, и в отношении последней этот прогноз полностью подтвердился. Наконец, выборы в Европарламент (май 2024 г.) также завершились значительным приростом голосов в пользу правопопулистских и правоэкстремистских политических партий.

боры в Саксонии и Тюрингии выступают скорее барометром существующих настроений немецкого населения и выявлением возможного вектора их изменения, нежели демонстрацией кардинальной ломки политической системы страны¹². Социологические данные показывали, что наибольшие шансы на внеочередных парламентских выборах в Германии 2025 г. имели христианские демократы (ХДС/ХСС), которые никогда не согласятся на создание коалиции с «Альтернативой для Германии». В очередной раз социология не обманула: победу действительно одержали христианские демократы, сформировавшие новую большую коалицию в партнерстве с Социал-демократической партией и «Зелеными». Поскольку подобные альянсы в истории ФРГ возникали неоднократно, постольку развал прежней правящей коалиции и внеочередные выборы – 2025 не стоит считать экстраординарным событием. Скорее, политическим событием является то, что «Альтернатива для Германии» по-прежнему остается персоной нон грата для ключевых политических игроков и не рассматривается в качестве возможного партнера по правящей коалиции. Это связано в первую очередь с тем дискурсом, который продвигает в публичную повестку эта партия, с ее риторикой, не приемлемой для системных партий, и сознательным уклонением от рационального обсуждения назревших общественных проблем. Эмоциональные эскапады в адрес политических оппонентов, номинируемых в качестве «врагов», и самодовольное позиционирование как истинной «защитницы народа» (якобы «преданного» правящей элитой) не оставляют пространства для конструктивных переговоров с перспективой политической коллаборации.

Вместе с тем возникают вопросы относительно факторов столь очевидного успеха правопопулистских сил повсюду в мире. В числе таких факторов: кризисные социально-эконо-

мические глобальные и локальные события; этнонационалистические идеологии и нарративы, пропагандируемые правыми популистами; стратегическая медиатизация политики и, наконец, поддержка правопопулистских сил консервативными партиями, которые тем самым пытаются предотвратить надвигающуюся потерю власти. «Соответственно, многие политики как на уровне ЕС, так и на национальном уровне, а также видные общественные деятели предупреждают о европейском (и даже глобальном) дрейфе в сторону усиления (этно) национализма, нелиберальной демократии и авторитаризма», – отмечает немецкая исследовательница Рут Водак¹⁵. Эти события сопровождаются, помимо прочего, систематическими нарушениями прав человека, международных договоров, ценностей и норм Евросоюза и ООН. Ложь, демагогические подстрекательства, теории заговора, а также оскорбления и клевета вызывают возмущение, но обычно не имеют юридических последствий и забываются самое позднее через несколько дней. Создается впечатление, что люди уже привыкли к ежедневным провокациям и скандалам, и, следовательно, происходит процесс нормализации правопопулистской риторики.

«Кризис беженцев» в Европе в 2015–2016 гг. является ярким примером такого события, которое было «колонизировано» нативистской политикой, т. е. политикой защиты своего сообщества от чуждых элементов. Во многих странах в это время массово разжигались ксенофобия и связанная с ней моральная паника, не в последнюю очередь благодаря правопопулистским политическим силам. Это часто приводило к конкретной практике исключения, например в дискуссии о социальных льготах для «новичков», которых неоднократно клеймили и продолжают называть в средствах массовой информации «нелегальными мигрантами (бенефициарами)» и, таким образом, криминализируют. Помимо нормализации правых популистских партий и их повестки это также привело к политико-институциональному «включению крайне правых», т. е. экстремистов, в публичную политику. Вместе с этими процессами меняются не только нормы, но и то, что правые популисты

¹² Ergebnis der Landtagswahl 2024 in Brandenburg. – Landeswahlleiter Brandenburg. URL: https://wahlergebnisse.brandenburg.de/12/500/20240922/landtagswahl_land/ergebnisse.html ; Ergebnis der Landtagswahl 2024 im Freistaat Sachsen. – Freistaat Sachsen, Landeswahlleiter. URL: https://wahlen.sachsen.de/landtagswahl-2024-wahlergebnisse.php?_ptabs=%7B%22%23tab-wahlbeteiligung%22:1%7D ; Ergebnis der Landtagswahl 2024 in Thüringen. – Freistaat Thüringen. – URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&w-Jahr=2024&zeigeErg=Land>

¹⁵ См.: Wodak R. Rechtspopulistische Diskursverschiebungen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2023. No. 43–45. S. 31.

теперь фактически сотрудничают с экстремистами, пропагандируя аналогичные программы. В странах Центральной и Восточной Европы исследователи говорят о нормализации расизма в отношении беженцев с Ближнего Востока: анти-мусульманские и ксенофобские дискурсы звучат здесь с конца 2015 г.¹⁴ Коллективные воспоминания связаны с яростным традиционным антисемитизмом.

Таким образом, привлекательность право-популистских партий зависит от двух факторов: с одной стороны, они способны мобилизовать негодование и протест; с другой – обещают радикальные перемены для решения проблем, возникающих в результате экономической, социальной и культурной трансформации постиндустриальных западноевропейских обществ. Однако конкретная политика радикальных перемен, на необходимость которых они указывают и к поддержке которой призывают, редко излагается общественности обстоятельно и аргументированно. Скорее, она (т. е. политика) состоит в расплывчатых обещаниях вернуться к некоему желаемому *status quo ante*, к малопонятной «ретротопии» и т. п. Опыт пребывания таких партий у власти, например в Италии, показывает, что речевые практики популистов (в форме разоблачений, осуждений и обещаний) намного превосходят их реальные достижения, если о них вообще можно вести речь. В действительности, это не только общий сдвиг дискурса «вправо», но скорее поляризация – ***борьба за гегемонию различных дискурсов, как перспективных, так и ретроспективных, в которой решающую роль играет медиатизация этих дискурсов.*** Как традиционные СМИ, так и платформы социальных сетей играют важную роль в определении тем и распространении правых популистских аргументов. Таким образом, приводится в движение «вечный двигатель правого популизма». Постоянные новые провокации и скандалы могут быть легко вынесены в заголовки и тем самым вытеснить другую важную информацию. Взаимозависимость правопопулистских партий и СМИ в конечном счете функционирует как «идеологическое партнерство».

¹⁴ См.: Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура / пер. с англ. Ю. Игнатъевой ; под ред. А. Решетникова. М. : Нов. лит. обозрение, 2022. Т. 2. С. 507–508.

Правоэкстремистский сдвиг в общественном дискурсе либеральных демократий

Отмечая фундаментальный сдвиг в расстановке социальных и политических сил в современных либеральных демократиях, а также трансформацию их партийно-политической инфраструктуры, следует принять в расчет также *институциональное и культурное измерение происходящих сдвигов*, наиболее тревожной тенденцией которых является «нормализация» правого популизма и в конечном счете право-экстремистского контента в дискурсивном пространстве.

Очевидные успехи популистских сил ориентируют исследователей на более пристальное внимание к их ***коммуникативным практикам***, играющим немалую роль в достижении этих результатов. В целом правопопулистские партии опираются на нативистскую оппозицию «мы – они» и, в зависимости от социально-политического и исторического контекста, на анти-мусульманские, антисемитские, антицыганские или гомофобные образы врагов. В основе этих образов лежит этнонациональная концепция народа, фиксация «однородного народа» – «Мы, настоящие немцы, австрийцы»... против «остальных». «Мы» представляются хорошими, честными и жертвами, «другие» – лжецами, мошенниками и преступниками. Группа «других» состоит из трех подгрупп, которые «нам угрожают»: «те, кто там наверху» (вымышленная элита), «те, кто сбоку» («чужие») и «те, кто там внизу» («паразиты», бездомные, люмпены или попрошайки). Фундаментальный контраст между «мы» и «другими» всегда подразумевает кампанию «против нас» – и нередко такие идеи заговора основаны на традиционных антисемитских моделях. Например, в представленном Австрийской партией свободы образе «Крепости Австрии» большинство населения исключается в принципе, и в то же время упоминается чисто ревизионистская «идеология крови и почвы». Алиса Вайдель, ныне сопредседатель парламентской группы АдГ и федеральный представитель своей партии в 2013 г. говорила о «врагах конституции, которые нами управляют». «Эти свиньи – не что иное, как марионетки держав-победительниц во Второй мировой войне, и их задача – удержать немецкий народ небольшим, вызывая молекулярные гражданские войны в городских центрах посредством иностран-

ного проникновения»¹⁵. Политика страха в сочетании с риторикой исключения стали важными компонентами дискурса о чужаках внутри и за пределами «национального тела» государства.

Немецкий политолог Паола Диль предлагает рассматривать популизм с трех точек зрения: идейного подхода, дискурс-аналитического понимания и с помощью «комплексной концепции» популизма. *Идейно-ориентированный подход* трактует популизм как «тонкую идеологию», т. е. простую ориентацию в политическом ландшафте. В основе этой ориентации лежат три основных элемента: во-первых, идеализация народа; во-вторых, разделение общества на два однородных лагеря: народ и элиту (коррупцированную), в результате чего выстраивается вертикальная враждебность – «те, кто внизу» (народ) против «тех, кто наверху» (элита); в-третьих, отстаивание принципа народного суверенитета и убежденность в том, что политика должна выражать волю народа. «Тонкость» этой идеологии заключается в том, что она остается довольно туманной в политическом смысле, не определяет ни народ, ни элиту, но провозглашает неограниченную власть автократа, не уточняя, как конкретно он должен ее использовать. Для решения этой задачи требуется более «сильная» идеология.

Дискурс-аналитический подход понимает популизм как особый вид дискурсивной артикуляции, поскольку удается дискурсивно представлять те вопросы и требования народа, которые не решаются официальными представителями и институтами. Популизм представляет различные требования населения как выражения одной проблемы: сочетание различных неудовлетворенностей и их дискурсивное представление придает народу идентичность. Преимущество такого подхода заключается в том, что он показывает, что популизм якобы является изменчивым явлением. На самом деле все виды популизма основаны на политическом и социальном недовольстве.

«Комплексная концепция» популизма также трактует его как изменчивое явление, но добавляет к «тонкой» идеологии дополнительные ключевые компоненты: помимо идеализации народа, принципа народного суверенитета и противостояния элиты и народа она включает в себя также ключевую роль харизматическо-

го лидера и отказ от устоявшихся партий и СМИ как посредников выражения воли народа. Более того, эти ключевые составляющие популизма стали частью нарратива об «обманутых» людях, в котором лидер политизирует *спящее обиженное большинство* и обещает ему возвращение народного суверенитета в качестве «счастливого конца». Инаугурационная речь Дональда Трампа на посту Президента США в 2016 г. закончилась именно таким счастливым концом, когда он заявил, что в день его вступления в должность суверенитет возвращается народу Америки. Когда он во второй раз был приведен к присяге как Президент США 20 января 2025 г., он объявил о начале «золотого века» для своей страны¹⁶. Это дало основания таким тонким наблюдателям, как знаменитый немецкий философ Ю. Хабермас, заявить о «впечатлении клинической демонстрации психопатологического случая»¹⁷. При этом Д. Трамп стал еще менее комплементарен по отношению к высшим должностным лицам в иерархии американской власти¹⁸.

Сохраняя объективность в оценке столь заметного явления современной политической сцены, как популизм, ряд исследователей склонны отмечать и его положительные черты, в частности поощрение всех граждан к более активному участию и стимулирование контроля над политическими представителями. Популизм делает видимыми слабости демократии, указывает на ее конкретные недостатки, что может способствовать их исправлению. Однако куда более существенна негативная сторона, в частности чрезмерное упрощение фактов и их искажение через эмоциональность, драматизацию и черно-белое мышление. Вместе с подавлением плюрализма это может привести к сильной поляризации общества и помешать дифференцированным и продуктивным дебатам, ориентированным на решение политических вопросов. Мир в таком случае предстает в манихейской форме, которая знает только добро и зло.

Эта сторона популизма осложняет совещательные процессы в обществе и угрожает общей демократической почве для политических спо-

¹⁶ См.: Pipenbrink J. Editorial // *Aus Politik und Zeitgeschichte* (APuZ). 2025. 9 мая. № 20.

¹⁷ См.: Ibid.

¹⁸ Так, в январе 2026 г. Трамп публично назвал «дебилом» руководителя Федеральной резервной системы США.

¹⁵ Wodak R. Op. Cit. S. 33.

ров. Другим фактором риска становится скептицизм по отношению к политическим институтам и официальным СМИ. Если скептицизм выходит из-под контроля, это дает разрушительный эффект, потому что люди не верят ни новостям, ни суду, ни политикам.

Бытовавшие долгое время представления об амбивалентности популизма сегодня уступают место осознанию опасности влияния правого популизма из-за его *связей с правыми экстремистскими идеологиями*. Последние базируются на центральных, взаимосвязанных идеологемах, к которым относятся, например, агрессивный национализм, исторический ревизионизм, идея этнически однородного общества как совокупности народа, убежденность в том, что его члены имеют более высокую ценность по отношению ко всем остальным, отрицание демократического равенства, отказ от плюрализма ценностей, антимусульманская вражда, антисемитизм и расизм. Еще одним аспектом правого экстремизма и правого популизма является гендерный аспект, проявляющийся в сексизме, гомофобии и т. п. Вместе с тем правоэкстремистские идеологии легитимируют себя через силу государства, тогда как популизм основывает свою легитимность на народном суверенитете¹⁹.

Как показывает дискурс-анализ высказываний правопопулистских сил, решимость народа они черпают из резервуара правых экстремистов, которые, в свою очередь, заимствуют у итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Здесь народ предстает как единое, однородное тело, целостность которого рассматривается как угроза, когда в тело народа вторгаются «иностранцы» /чужеземцы.

Когда *популизм* сочетается с *правыми экстремистскими идеологиями*, возникает дискурс, который может апеллировать к требованиям и критике населения, но извращает их до такой степени, что это наносит ущерб демократическому содержанию. Так, рассказ об «обманутых людях» дополняется обвинениями элиты в коррумпированности, жадности или небрежности, *государственной измене*, поскольку она помогает иностранцам извне заражать «тело народа» и в конечном счете его уничтожить. В качестве аргумента мобилизуется защита «собственной западной и христианской культуры». Этот narra-

тив может быть явно сформулирован в расистских терминах («мусульмане и небелые против европейцев»), как в случаях с крайне правыми партиями. Здесь речь уже идет не о правом популизме, который обычно не выходит за рамки допустимых высказываний, а о *правом экстремизме*, но грань между ними становится всё более тонкой. Иными словами, нормализация происходит, когда дискурсы выходят из крайне правой периферии в центр общества и подхватываются и разделяются системными партиями.

Венгерские исследователи Б. Мадьяр и Б. Мадлович обращают внимание на то, что «...популисты в каждой конкретной стране в своих политических кампаниях могут производить из ненависти и страха нечто вроде “психоделических коктейлей”, подгоняя их рецепты под местный идеологический ландшафт, историческую и геополитическую ситуацию в государстве, а также свою целевую аудиторию»²⁰. Однако неизбежным следствием подобных стратегий, направленных на привлечение экстремистского электората, является «легитимация и воспроизводство экстремистских, антисемитских и расистских настроений и дискурса, а также увеличение количества людей, разделяющих подобные взгляды. Соревнование за крайне правый электорат, склонный к антисемитским и расистским настроениям, ... расширяет группу сторонников экстремизма, убирая препятствия для использования *языка вражды...*»²¹. Исследователи также обращают внимание на то, что популисты навязывают своему электорату комплекс жертвы, что заставляет этих людей отказаться от коллективной эмпатии в пользу коллективного эгоизма. Отказываясь от публичного обсуждения как технологии совещательного урегулирования разногласий и несовпадающих интересов, сторонники популистских политических сил фактически отказываются от морали и эмпатии в пользу ограниченного себялюбия. «Отрицая необходимость структурных институтов, призванных выступать посредниками воли народа, популист дает понять, что не считает нужным принимать во внимание интересы различных групп и ставит интересы своей группы “мы” превыше всех прочих», – подчеркивают Б. Мадьяр и Б. Мадлович²².

Резюмируя, можно утверждать, что, разрушая моральные ограничения, популизм броса-

²⁰ Мадьяр Б., Мадлович Б. Указ. соч. С. 506.

²¹ Там же. С. 507–508.

²² См.: Мадьяр Б., Мадлович Б. Указ. соч. С. 510–511.

¹⁹ См.: Diehl P. Rechtspopulismus und Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Ausgabe 27/2024.

ет вызов не только институциональной структуре либеральной демократии, но и ее моральной основе²³. Для людей, испытывавших экзистенциальную тревогу в отношении открытого общества и либеральных устоев государства, эта черта оказывается одной из главных привлекательных сторон популизма, а лидеру – популисту дает возможность с легкостью определять образ общего врага и формировать «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон). С этой точки зрения, нельзя признать корректными попытки описывать популистский электорат через понятие «трайбализм», так как триба или племя – это вполне реальное, а не воображаемое сообщество, которое основывается на сильных родственных и этнических узах²⁴. Кроме того, племя подразумевает наличие внутренней солидарности между его членами, которые сами определяют себя как «мы». В свою очередь, «мы» как воображаемое сообщество не подразумевает такой (горизонтальной) солидарности между его участниками и заменяет ее ограниченным себялюбием.

Общественно-политические дискуссии последнего времени были адресованы разным аспектам популизма: как политическому феномену²⁵, как партии или общественно-политическому движению²⁶; как типу политического режима в тех странах, где популисты пришли к власти²⁷; как типу политического дискурса²⁸. Уточняется карта разновидностей популизма: правого, левого и центристского; радикального и умеренного; конструктивного и деструктивного; и т. д. Тестируется логика популистского правления в плане усилий по захвату государства (State capture) и создания институциональных гарантий для своего несменяемого правления²⁹. Сформировались гипотетические и опти-

²³ См.: Merkel Wolfgang. Wie resilient ist unsere Demokratie? // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Ausgabe 27/2024. 28.06.2024.

²⁴ См.: Мадьяр Б., Мадлович Б. Указ. соч. С. 512.

²⁵ См.: Глухова А. В. Популизм как политический феномен // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68.

²⁶ См.: Вайнштейн Г. Современный популизм как объект политологического анализа // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.

²⁷ Глухова А. В. Популистские режимы : политические последствия // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 1. С. 182–191.

²⁸ См.: Diehl P. Rechtspopulismus und Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Ausgabe 27/2024.

²⁹ См.: Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измере-

мистичные представления о том, что пребывание популистов (правых или левых) во власти делает их позиции менее радикальными, и эту гипотезу еще предстоит проверить (пока не хватает эмпирических данных). Уточняется гипотеза, высказанная в свое время Р. Дарендорфом, о том, что популисты плохо управляют, поскольку не готовы к такого рода деятельности, не имеют собственной выверенной стратегии и не могут продемонстрировать позитивные результаты³⁰. И действительно, пятилетний срок пребывания популистов в составе коалиционных правительств в Италии показал, что эти партии не смогли возродить утраченное доверие граждан и вернуть последних в политику, не предложили новых форм демократии вместо критикуемой ими ранее представительной модели. С точки зрения конкретных политических шагов они «продолжили экономическую и внешнюю политику “мейнстрима”..., против которой выступали на заре своей протестной деятельности и вокруг борьбы с которой выстраивали идентичность своего электората»³¹. Новейшие намерения правительства Дж. Мелони провести институциональные политические реформы, укрепляющие исполнительную власть и в первую очередь институт премьер-министра, подтверждают эту общую логику популистского правления. «Единственным общим фактором трех реформ является сокращение плюрализма и противовесов со смещением акцента на правительство и главу правительства, который может выступать не только как политический лидер, но и как противовес автономии регионов и судебной власти», – считает итальянский политолог С. Палермо³². По его мнению, победителями выборов становятся те, кто сводит политику к предельно упрощенным лозунгам и превращает электорат во враждебные лагеря. Таким образом, политика как искусство компромисса оказывается устаревшей. Политическая и социальная картина, стоящая за реформами, вызывает больше беспокойства, чем их конкретное содержание). Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. ун-та, 2024. С. 95–168.

³⁰ См.: Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. Verlag C.H.Beck. München, 2004. S. 314–318.

³¹ Алексеев Е. С. Указ соч. С. 132.

³² См.: Palermo S. Autoritar reformiert? Zum geplanten Umbau des Staates in Italien // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Italien. 74 Jahrgang, 40–41/2024, 28. September 2024.

жание, и Италия не является единичным случаем в этом контексте, а продолжает и совершенствует тенденцию, которая становится всё более доминирующей во многих других демократиях, включая западные³³.

Правый популизм имеет двойную систему координат по отношению к демократии, т. е. смесь популизма и правых экстремистских идеологий. В то время как популистская часть находится в рамках демократии, правоэкстремистские идеологемы выступают против демократических принципов. В правом популизме демократический потенциал популизма направляется в дискурс, который, по крайней мере, релятивизирует два фундаментальных принципа демократии: равенство и права человека. То есть явного разрыва с этими принципами нет, напрямую они не оспариваются, но релятивизируются. В частности, риторически правый популизм признает легитимность всех идентичностей и вроде бы причисляется к плюрализму, но по содержанию этот плюрализм не предусмотрен в общем демократическом пространстве. Напротив, личные идентичности должны жить отдельно друг от друга. Предполагается, что «другие» должны жить где-то в другом месте или быть изолированными от «реальных людей». А правый экстремизм, в отличие от правого популизма, провозглашает борьбу «белой расы» за выживание и за свои права.

Иными словами, правый популизм апеллирует к демократической и антидемократической аудитории одновременно. Для этого он использует риторические приемы, одним из которых является «расчетливая амбивалентность», основанная на преднамеренной отправке двусмысленных, противоречивых сообщений, служащих для обращения к разным группам адресатов, а не для четкого определения идеологической, политической или этической позиции популистского политика в том или ином вопросе. Расчетливая амбивалентность порождает связь между антидемократическими идеологемами и демократической структурой публичной сферы, в которой то, что нельзя сказать, говорится и опровергается одновременно. Можно сказать, что популизм служит мостом между правыми экстремистскими

идеологиями, стоящими вне демократии, и демократической общественной сферой³⁴.

Этой связующей функции способствует системное сходство между популистской коммуникацией и логикой средств массовой информации. СМИ (онлайн и офлайн) следуют определенной логике отбора и подачи своего контента. К ним относятся: уменьшение сложности, обеспечивающее общую понятность; привилегия экстраординарного, что включает в себя скандалы и нарушение табу; ощущение непосредственности события; персонализация и эмоциональность; драматизация тем; порождение конфликта в форме конфронтации; определенная повествовательная структура.

Чем больше средство массовой информации зависит от **экономического успеха**, тем в большей степени эта логика определяет выбор и представление его содержания. «Политика и СМИ также способствуют нормализации позиций, угрожающих демократии или даже правому экстремизму, когда они принимают условия и требования крайне правых, иногда необдуманно, иногда намеренно», – отмечают немецкие авторы Беате Кюппер и Андреас Цик³⁵.

Для демократии риск правого популизма заключается в том, что не только популизм, но и правоэкстремистские идеологемы перенимаются устоявшимися партиями в этом соревновании – в надежде выжить в политической конкуренции. Благодаря распространению в СМИ правых экстремистских идеологем, могут измениться политические нормы, что приведет к нормализации правых экстремистских идеологий. Как подчеркивал в своих знаменитых работах, посвященных власти коммуникации,

³⁴ Так, мастером расчетливой амбивалентности считается бывший советник Д. Трампа Стив Бэннон. В своей гостевой речи на заседании Национального объединения во Франции в 2018 г. Бэннон объяснил, что Дональда Трампа не волнует «раса» или религия, а только то, является ли человек гражданином США. Это звучит демократично. Но его речь закончилась перформативным призывом, который нарушает несколько табу: «Пусть они называют Вас расистом. Пусть они называют Вас ксенофобом. Пусть они называют Вас натовистом. Носите его как знак почета». Но эти знаки невозможно носить в качестве знаков почета в демократическом контексте, а слова противоречат основополагающим демократическим принципам равенства и прав человека. Из сочетания разных идей создается противоречивая смесь, адресованная одновременно разным и даже противоположным позициям.

³⁵ См.: *Küpper Beate, Zick Andreas*. Demokratiedistanz der Mitte. Empirische Befunde // *Aus Politik und Zeitgeschichte*/ 27/2024.

³³ См.: *Merkel W*. Im Zwielicht. Zerbrechlichkeit und Resilienz der Demokratie im 21. Jahrhundert. Frankfurt/New York : Campus Verlag, 2023.

Мануэль Кастельс, политика сегодня – это прежде всего борьба за дискурс³⁶. В некоторых случаях, таких как Австрия или Франция, правозэкстремистские дискурсы даже доходили до стадии законопроектов (правда, иногда в трансформированном виде). Связующим звеном, на котором происходит такая нормализация, в Европе стал вопрос миграции. И это угроза для демократических партий: чем больше они стремятся к нормализации, тем больше они сами подвергаются давлению.

Библиографический список

Алексеевкова Е. С. Закат популизма? Кризис доверия и партии политической альтернативы в современной Италии // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 4. С. 119–134.

Бурдые П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

Вайнштейн Г. Современный популизм как объект политологического анализа // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.

Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение). Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. ун-та, 2024. С. 95–168. 254 с.

Глухова А. В. Политические конфликты : основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 280 с.

Глухова А. В. Популизм как политический феномен // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68.

Глухова А. В. Популистские режимы : политические последствия // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 1. С. 182–191.

Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных. 2-е изд., доп. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.

Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура / пер. с англ. Ю. Игнатъевой ; под ред. А. Решетникова. М. : Нов. лит. обозрение, 2022. Т. 2. 888 с.

Ушакин С. А. Речь как политическое действие // ПОЛИС. Политические исследования. 1995. № 5. С. 142–153.

Dahrendorf R. Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze. Verlag C.H.Beck. München, 2004. S. 314–318.

³⁶ См.: Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных. 2-е изд., доп. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.

Diehl P. Rechtspopulismus und Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Ausgabe 27/2024.

Ergebnis der Landtagswahl 2024 in Brandenburg. – Landeswahlleiter Brandenburg. URL: https://wahlergebnisse.brandenburg.de/12/500/20240922/landtagswahl_land/ergebnisse.html

Ergebnis der Landtagswahl 2024 im Freistaat Sachsen. – Freistaat Sachsen, Landeswahlleiter. URL: https://wahlen.sachsen.de/landtagswahl-2024-wahlergebnisse.php?_ptabs=%7B%22%23tab-wahlbeteiligung%22:1%7D

Ergebnis der Landtagswahl 2024 in Thüringen. – Freistaat Thüringen. – URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&wJahr=2024&zeigeErg=Land>

Küpper Beate, Zick Andreas. Demokratiedistanz der Mitte. Empirische Befunde // Aus Politik und Zeitgeschichte/ 27/2024.

Merkel Wolfgang. Wie resilient ist unsere Demokratie? // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Ausgabe 27/2024. 28.06.2024.

Merkel W. Im Zwielficht. Zerbrechlichkeit und Resilienz der Demokratie im 21. Jahrhundert. Frankfurt/New York : Campus Verlag, 2023.

Palermo S. Autoritar reformiert? Zum geplanten Umbau des Staates in Italien // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Italien. 74 Jahrgang, 40–41/2024, 28. September 2024.

Pipenbrink J. Editorial // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). 2025. 9 мая. № 20.

Wodak R. Rechtspopulistische Diskursverschiebungen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2023. No. 43–45. S. 31–35.

References

Alekseenkova E. S. The Decline of Populism? Crisis of Trust and Political Alternative Parties in Modern Italy // Political Studies. POLIS. 2024. No. 4. P. 119–134.

Bourdieu P. Sociology of Politics (N. A. Shmatko, Comp., Ed. & Preface). Moscow : Socio-Logos, 1993. 336 p.

Vainshtein G. Contemporary Populism as an Object of Political Science Analysis // Political studies. POLIS. 2017. No. 4. P. 69–89.

Glukhova A. V. Political Science Facing the Challenges of a Divided World : A Conflict Studies Dimension. Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2024. 254 p.

Glukhova A. V. Political Conflicts : Foundations, Typology, Dynamics : A Theoretical and Methodological Analysis, ed. 2. Moscow : LIBROKOM Publishing House, 2010. 280 p.

Glukhova A. V. Populism as a Political Phenomenon // Political Studies. POLIS. 2017. No. 4. P. 49–68.

Glukhova A. V. Populist Regimes : Political Consequences // Political Studies. POLIS. 2024. No. 1. P. 182–191.

Castells M. The Power of Communication (N. M. Tylevich, Trans.; A. A. Arkhipova, Trans. of Preface to 2013 ed.; A. I. Chernykh, Sci. ed.), ed. 2, expanded. Moscow, HSE University Publishing House, 2017. 591 p.

Magyar B., Madlovics B. Post-Communist Regimes : Conceptual Structure. Vol. 2 (Yu. Ignatyeva, Trans.; A. Reshetnikov, Ed.). Moscow : New Literary Observer, 2022. 888 p.

Ushakin S. Speech as Political Action // Political Studies. POLIS. 1995. No. 5. P. 142–153.

Dahrendorf R. The resumption of history. From the fall of the wall to the war in Iraq. Speeches and essays. Verlag C.H.Beck. Munich, 2004. P. 314–318.

Diehl P. Right-wing populism and Democracy // From politics and Contemporary History (APuZ). Issue 27/2024.

Result of the 2024 state election in Brandenburg. – Landeswahlleiter Brandenburg. URL: https://wahlergebnisse.brandenburg.de/12/500/20240922/landtag-swahl_land/ergebnisse.html

Result of the 2024 state election in the Free State of Saxony. - Free State of Saxony, state returning offi-

cer. URL: https://wahlen.sachsen.de/landtagswahl-2024-wahlergebnisse.php?_ptabs=%7B%22%23tab-wahlbeteiligung%22:1%7D

Result of the 2024 state election in Thuringia. Free State of Thuringia. URL: <https://wahlen.thueringen.de/datenbank/wahl1/wahl.asp?wahlart=LW&w-Jahr=2024&zeigeErg=Land>

Küpper Beate, Zick Andreas. The democratic distance of the middle. Empirical findings // From politics and contemporary History/ 27/2024.

Merkel Wolfgang. How resilient is our democracy? // From Politics and Contemporary History (APuZ). Issue 27/2024. 28.06.2024.

Merkel W. In the twilight. The fragility and resilience of democracy in the 21st century. Frankfurt/New York : Campus Verlag, 2023.

Palermo S. Authoritarian reformed? About the planned reconstruction of the state in Italy // From Politics and Contemporary History (APuZ)). Italy. Year 74, 40-41/2024, September 28, 2024.

Pipenbrink J. Editorial // From Politics and Contemporary History (APuZ). 2025. 9 мая. № 20.

Wodak R. Right-wing populist shifts in discourse // From politics and contemporary history. 2023. No. 43-45. P. 31–35.

Воронежский государственный университет
Глухова А. В., доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии
E-mail: avglukhova@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.03.2026

Для цитирования:

Глухова А. В. Вербальные практики правых популистов (угроза нормализации правоэкстремистского контента) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 338–348. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/338-348>

Voronezh State University
Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: soc@hist.vsu.ru

Received: 10.03.2026

For citation:

Glukhova A. V. The verbal practices of right-wing populists (the threat of normalization of right-wing extremist content) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 338–348. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/338-348>